

**ОЛЬГА
ДАШКОВА**

**ОФИЦЕР
Моего** **СЕРДЦА**

Ольга Дашкова
Офицер Моего Сердца

«Автор»

2026

Дашкова О. В.

Офицер Моего Сердца / О. В. Дашкова — «Автор», 2026

Я влюбилась в него в четырнадцать и восемь лет делала вид, что это прошло. Артем Гайдаров – друг старшего брата, офицер, человек из другого мира. Он приходил по пятницам и не знал, что я считаю его шаги на лестнице. Призналась, что люблю в восемнадцать, он сказал: «нет». Я научилась жить рядом с этим «нет». Как осторожно, не трогая, живут рядом с незаживающей раной. Потом выбрала другого. Правильного. Надежного. Сказала «да» и почти поверила себе. А потом он вернулся. С тростью, с войной за плечами, с новыми морщинами вокруг глаз. Сломанный и все равно единственный. Говорят, время лечит. Но меня время просто научило лучше прятать то, что никуда не делось.

© Дашкова О. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 «Он приходил по пятницам»	5
Глава 2 «Семнадцать»	8
Глава 3 «Признание»	11
Глава 4 «Учиться жить»	14
Глава 5 «Глеб»	17
Глава 6 «Он там»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ольга Дашкова

Офицер Моего Сердца

Глава 1 «Он приходил по пятницам»

Я научилась узнавать его по звуку.

Не по голосу, голос я слышала потом, уже через стену, уже приглушенным коридором и закрытой дверью моей комнаты.

Но сначала – шаги. Тяжелые, уверенные, без извинений. Так ходят люди, которые знают, куда идут, и не сомневаются, что им там рады. Ступенька перед нашей площадкой скрипела по-разному: под папой мягко, почти вопросительно, под Владом резко, как шелчок.

Под ним – коротко и твердо. Как точка в конце фразы.

Я слышала эту точку и что-то внутри меня успевало сделать что-то странное. Скорее сдвиг. Как будто внутри стояла мебель, расставленная по-одному, и раз в неделю кто-то передвигал ее на несколько сантиметров. Незаметно. Необъяснимо. И уже нельзя было вернуть, как было.

Мне было четырнадцать. Я не знала для *этого* слов.

***

Артем Иванович Гайдаров появился в нашей квартире в первую пятницу октября, когда за окном шел дождь, а я делала алгебру и ненавидела Иксы всеми доступными мне чувствами.

Влад привел его без предупреждения, они всегда так, военные, словно понятие «позвоните заранее» существует в какой-то другой вселенной, куда им нет доступа по уставу.

Хлопнула дверь.

– Мам, мы тут! – крикнул Влад. – Артем со мной, не пугайся.

Мама вышла из комнаты, я слышала, как она что-то говорит, смеется, голос стал другим, приветливым и чуть более высоким, чем обычно. Так она разговаривала с людьми, которые ей нравились сразу.

Я не вышла. Я сидела над своими Иксами и смотрела в них, и не видела ничего, кроме голоса, который донесся из коридора. Он был низкий, с легкой хрипотцой, как будто человек привык говорить тихо, но в небольших пространствах это все равно было слышно везде.

– Добрый вечер. Простите, что без звонка.

Простите. Я запомнила это слово. Оно не вязалось с тяжелыми шагами, с этой уверенностью в движении и... именно поэтому зацепилось. Человек, который так ходит, мог бы не извиняться. Но извинился. Значит, он выбирал.

Четырнадцать лет это возраст, когда начинаешь замечать разницу между «не умеет» и «выбирает».

***

Увидела его через двадцать минут.

Пошла на кухню за водой, честно, только за водой, я не придумывала причин, мне правда хотелось пить, это важно. Он стоял у окна, пока Влад искал что-то в холодильнике. Стоял вполоборота, смотрел на дождь или на свое отражение в темном стекле, я не поняла.

Высокий. Шире Влада в плечах, хотя Влад тоже не маленький. Форма на нем была не парадная, обычная, повседневная, но на нем она сидела не как одежда, а как кожа, как будто он в ней родился и просто всю жизнь в ней живет.

Короткие темные волосы. Резкий профиль – нос с небольшой горбинкой, сильная линия челюсти, и что-то вокруг глаз, чего я тогда не умела назвать. Сейчас назову: усталость, которую давно перестали замечать.

Он повернулся, когда я вошла. Посмотрел. Коротко, без интереса, как смотрят на предметы обстановки, например диван, торшер, или вот как сейчас – девочка в дверях. Кивнул. Отвернулся к Владу.

Все.

Взяла стакан, налила воду. Выпила у раковины, стоя спиной к ним обоим. Вода была холодной, и это помогло, потому что что-то мне нужно было чем-то занять руки.

***

Потом была пятница за пятницей.

Не каждую, не всегда, но достаточно. Иногда еще с какими-то сослуживцами, имена я не запоминала. Иногда один. Они с Владом закрывались в его комнате, оттуда доносились голоса, о чем-то взрослом, о чем при мне не говорили, я не просила говорить.

Я придумала ритуал. Лично мой.

Когда слышала его шаги на лестнице я шла на кухню. Ставила чайник, доставала чашки. Мама всегда предлагала чай гостям, так что это было нормально, это было помочь, это был повод оказаться в коридоре в момент, когда он снимает куртку.

Повод посмотреть три секунды и уйти. Три секунды. Мне хватало.

Я ненавидела себя за это ровно столько, сколько нужно, чтобы почувствовать себя честной, и делала снова на следующей неделе.

Он никогда не говорил со мной первым. Не из грубости, я это чувствовала. Просто я была частью пейзажа. Влад-младшая-сестра – одно устойчивое словосочетание, не предполагающее отдельного внимания.

Иногда, если мы пересекались на кухне, он говорил «привет» или «добрый вечер», в зависимости от времени суток, он был педантичен в таких мелочах. Однажды спросил, как дела в школе. Я ответила «нормально». Он кивнул и взял со стола свою чашку.

Вот и весь разговор. Я прокручивала его вечером в голове так долго, как будто там было что прокручивать.

Что это было – я понимала плохо.

Школьные подруги рассказывали о влюбленностях понятно: «он посмотрел, я покраснела, мы переписываемся». Там была логика, была последовательность, был какой-то взаимный электрический ток, может, слабый, может, воображаемый, но двусторонний.

У меня не было ничего двустороннего.

Был человек, который приходил по пятницам и не знал о моем существовании ничего, кроме имени. Была я – с чайником и тремя секундами и ритуалом, который не имел никакого будущего и я это знала.

Знала – и не могла иначе.

Вот что самое странное в этом возрасте: ты понимаешь умом. Умом – все понимаешь. А что-то внутри продолжает передвигать мебель на несколько сантиметров. Снова. И снова. Независимо от твоего согласия.

***

В ноябре он пришел с свежим, аккуратно обработанным порезом на скуле. Я не спросила. Никто не спросил вслух, хотя мама посмотрела с той секундной тревогой, которая у нее всегда.

Я смотрела на этот порез весь вечер.

Не романтично, не так, как в книгах, где героини находят шрамы красивыми. Просто смотрела и думала: что-то с ним случилось? Что-то, о чем он не расскажет. Что-то, что он несет в себе так же, как несет эту усталость вокруг глаз, привычно, без жалоб, как будто это просто часть комплектации.

Мне хотелось спросить. Просто: «как ты?». Не потому что влюбленность, не потому что ритуал. Потому что просто... как ты?

Я не спросила. Налила чай, ушла к себе.

***

Потом была зима, потом весна, потом лето без пятниц, они с Владом уехали куда-то, мама говорила «служба», папа говорил «не спрашивай», я не спрашивала. Летом пятницы были просто пятницами, обычными, без сдвига внутри, и я думала: вот, прошло. Отпустило. Так бывает в четырнадцать, быстро вспыхивает и гаснет, я слышала.

Осенью он пришел в первую пятницу октября. Шаги на лестнице. Ступенька. Точка. Что-то внутри сдвинулось, а я поняла: *нет*. Не прошло. Просто ждало, пока я перестану за ним следить.

Не рассказала никому.

Не подругам, хотя, они бы не поняли, или поняли бы неправильно, или начали бы давать советы, а советы здесь были бессмысленны. Не маме, мама бы испугалась, и правильно бы сделала. Не Владу, это даже представить невозможно.

Я аккуратно носила это в себе, как носят что-то хрупкое, о чем знают: уронишь – не склеишь. Не говорила вслух. Не давала имен.

Потому что знала: слова делают вещи настоящими. А некоторые вещи лучше оставить без имени, просто чтобы было чуть легче жить с ними рядом.

Ему двадцать восемь. Мне – четырнадцать.

Он служил с моим братом, приходил в наш дом, пил мамин чай и смотрел на дождь в окне. Он не знал, что я считаю его шаги на лестнице. Не знал про три секунды и чайник. Не знал ничего.

Это было правильно. Это было невыносимо.

Это было мое, единственное и полностью мое, без дележа, без объяснений. Первое чувство, о котором я не знала, как говорить.

Может, потому что оно было слишком большим для слов, которые у меня тогда были. Может, потому что слова пришли бы позже, а он уже ушел бы. Как уходил каждую пятницу.

Твердо. Без оглядки.

Дверь закрывалась и в квартире снова становилось на несколько сантиметров не так. Я шла к себе. Садилась на кровать. Смотрела в потолок. И ждала следующей пятницы.

Не потому что надеялась. Просто – ждала. Потому что больше не умела пятниц без него.

Глава 2 «Семнадцать»

Три года это много и мало одновременно.

Много, если считать пятницами. Мало, если смотреть в зеркало и замечать, что что-то изменилось, а ты и не уследила когда.

Исчезла девочка с алгеброй. Появилась другая я, с теми же глазами и тем же молчанием внутри, но уже в другом теле, которое я еще не совсем понимала и которого немного стеснялась. Дома этого не замечали.

Дома я по-прежнему была Юлька-младшая. Мамина помощница, папина отличница, Влада сестра. Набор функций с именем. Очень любимый набор, в этом не было сомнений, но... все же набор.

Когда за столом говорили о взрослом, смотрели на меня с той особенной улыбкой, которая означает: ты не поймешь, подрасти. Я понимала. Молчала.

Другие видели, что я выросла.

Подруги, незнакомые мальчики в метро, тетя Лена на семейном ужине, которая вдруг сказала маме вполголоса, думая, что я не слышу: «Юля у тебя совсем выросла. Смотри, какая».

Мама ответила что-то нейтральное. Я сделала вид, что читаю. Мне было семнадцать, я знала, что изменилась. Просто не знала – для кого и зачем.

День рождения Влада отмечали как всегда дома.

Двадцать девять лет – это уже не «накрываем поляну у нас», сказал он маме, это «зову своих, сами разберемся». Мама сказала «хорошо» голосом, который означал «я все равно приготавливаю», и приготовила.

Пришли сослуживцы, Владовы друзья, кто-то с подружкой, кто-то без. Квартира наполнилась голосами, запахом еды, музыкой, которую Влад поставил слишком громко и потом убавил по маминой просьбе.

Артем Гайдаров пришел последним.

Я не смотрела на дверь, помогала маме с нарезкой и не смотрела на дверь. Я очень убедительно не смотрела на дверь и все равно слышала шаги в коридоре раньше, чем Влад крикнул: «О, наконец-то!»

Три года. Ничего не изменилось в этом звуке. Я взяла нож и продолжила резать сыр.

***

За стол садились шумно, с пересаживаниями и спорами о том, кому куда. Влад тянул всех к себе, мама переставляла тарелки, кто-то уже разлил и извинялся. В этом хаосе я оказалась на дальнем конце стола, там, где сидят те, кого не звали, но кто живет в этой квартире и никуда не денется.

Артем сел рядом.

Не специально, просто там было единственное свободное место. Я это понимала. Я очень отчетливо это понимала, пока он придвинул стул и коротко говорил кому-то через стол, и я разглядывала свою вилку с таким вниманием, как будто это был редкий артефакт.

Три года сделали его другим.

Не внешне, внешне все то же: резкий профиль, короткие волосы с первой сединой у висков, которой раньше не было, взгляд, который смотрит чуть дальше, чем нужно для обычного разговора. Но что-то в посадке стало тяжелее. Что-то, что бывает у людей после. Я не знала после чего, и... знала одновременно.

– Юлия, – сказал просто так, без вопроса.

– Артем Иванович, – ч подняла голову.

Он кивнул, потянулся за хлебом. За столом было шумно, нас никто не слушал, и именно это было странно, вот так, оказаться в пузыре тишины посреди общего праздника.

***

Разговор начался случайно, как наверно начинается все настоящее. Влад поставил новую песню, кто-то за столом сказал «это что вообще», кто-то сказал «нормально», начался вялый спор. Я машинально сказала, не подумав:

– Это Земфира. Альбом две тысячи четвертого.

Несколько секунд тишины в нашем конце стола.

– Ты слушаешь Земфиру? – спросил Артем.

В вопросе не было снисхождения, только удивление. Настоящее, без украшений.

– Давно.

– Какой альбом лучший?

Вот этого я не ожидала. Что он спросит всерьез. Что будет ждать ответа, а не кивнет вежливо и отвернется.

– «Четырнадцать недель тишины», – сказала, после секунды. – Но это субъективно. Зависит от того, что нужно.

– А тебе что нужно?

Я посмотрела на него. Он смотрел на меня. Смотрел ровно, без подтекста, просто вопрос. Просто человек, который хочет знать ответ.

– Когда нужно, чтобы поняли без слов, – сказала наконец. – Этот альбом.

Он помолчал секунду.

– Хороший критерий.

И все. Но это «хороший критерий» прозвучало не как вежливость. Как – признание. Я слышу, что ты говоришь. Я принял это всерьез. Ничего особенного не произошло. Просто два человека поговорили о музыке на дне рождения.

Просто.

***

Мы говорили еще минут двадцать, может тридцать, я не считала. Он спрашивал, я отвечала, иногда я спрашивала, он отвечал коротко, но не закрыто. Оказалось он много читает. Говорили о городах, он был в нескольких, я только мечтала. О том, меняется ли человек от места или место от человека, это уже я сказала, и он на секунду посмотрел на меня иначе.

Я замечала все. Вот в чем была проблема.

За три года я думала, что стала умнее, что научилась не считать шаги на лестнице, не придавать значения трем секундам, жить рядом с этим тихо и не задыхаться. И все это было правдой... пока он не сел рядом.

Пока не начал смотреть так, как смотрит сейчас. Внимательно, именно на меня, как на человека, который говорит что-то не бессмысленное.

Этого оказалось достаточно. Этого, как выяснилось, всегда было бы достаточно.

Потом Влад затащил его к другому концу стола, были тост, объятия, фотография. Пузырь лопнул. Я осталась сидеть, налила себе сока, которого не хотела, и смотрела на свой стакан.

Что-то изменилось. Я не знала как это назвать, и называть не собиралась, потому что уже знала: слова делают вещи настоящими. Но это что-то сидело теперь в груди по-другому.

Не привычным тупым давлением, как три года подряд. Острее. Живее. Хуже.

Он меня увидел.

Не как Влада-младшую-сестру, а как человека. Как собеседника. Как кого-то, кому задают вопросы и ждут ответа. Это было хорошо. Это было... невыносимо хорошо, именно потому что меняло все и не меняло ничего.

Ему двадцать девять, почти тридцать. Мне семнадцать. Он служит с моим братом и смотрит на меня теперь иначе. Просто – иначе. Этого слова мне хватит надолго и не хватит совсем.

Уходили долго, военные умеют прощаться так, что это отдельное мероприятие. Артем оделся в коридоре, пожал руку отцу, поцеловал маму в щеку, она всегда к нему с материнской теплотой, я это давно заметила.

Проходя мимо меня, остановился на секунду.

– Про место и человека, – сказал тихо, не для всех. – Я думал об этом. Наверное, и то и другое. Но человек – больше.

Вышел. Дверь закрылась. Твердо. Без оглядки.

Я стояла в коридоре и думала: он ответил. Через двадцать минут, в дверях, когда уже уходил, вернулся к разговору и ответил. Потому что думал об этом. Потому что вопрос был настоящим, и он воспринял его всерьез.

Мама что-то говорила на кухне, Влад смеялся в комнате, жизнь продолжалась, как будто ничего не случилось.

Ничего и не случилось.

Просто я поняла: это не пройдет. Не через три года, не через десять. Не потому что я слабая или глупая или не умею отпускать. А потому что **это – не детское**. Никогда не было детским. Просто раньше у меня не было слов, а теперь появились и от этого стало не легче, а тяжелее.

Пошла к себе, закрыла дверь. Легла на кровать и смотрела в потолок как в четырнадцать, как всегда, потолок знает меня лучше любого человека в этой квартире. За окном был ноябрь, он не давал обещаний.

Лежала и думала о том, как он сказал «человек – больше». О том, что он вернулся к разговору. О том, что смотрел иначе, один раз, на секунду, и я это заметила. Я ненавидела себя за то, что заметила.

И была благодарна за это.

Семнадцать лет. Первый раз в жизни я почувствовала себя – собой рядом с другим человеком. Не Юлькой-младшей, не чьей-то сестрой, не девочкой с алгеброй.

Просто– собой.

Это было прекрасно. Это было начало чего-то, у чего не могло быть хорошего конца. Я это знала. И все равно берегла это ощущение, как берегут последнее тепло перед тем, как выйти на мороз.

Глава 3 «Признание»

Последний год он почти не приходил.

Всего два раза за двенадцать месяцев. Я считала, конечно. Считала, хотя говорила себе, что не считаю. Первый раз пришел в феврале, ненадолго, они с Владом сидели на кухне меньше часа, я слышала голоса через стену и не вышла.

Второй был в апреле, я открыла дверь сама, мама была у соседки. Он удивился, сказал «добрый вечер» и спросил, дома ли Влад. Влад был дома, я сказала «да» и отошла в сторону.

Вот и все.

Я не знала тогда, почему он перестал приходить. Придумывала разные объяснения: служба, занятость, своя жизнь, о которой я ничего не знаю и права не имею знать. Все это было правдой, наверное. Не всей правдой, но я узнаю это позже.

Намного позже.

А тогда, просто считала пятницы. Пустые пятницы, без точки на ступеньке.

О контракте я узнала от мамы.

Она сказала это за ужином, между супом и чаем, тем особенным голосом, которым говорят о вещах, которые тревожат, но которые нельзя остановить. Артем Гайдаров подписал контракт. Длинный. Уезжает через три недели.

Влад не едет, у Влада Соня на восьмом месяце, у Влада скоро сын, у Влада теперь другие приоритеты, и это правильно, это хорошо, это так и должно быть. Папа кивнул. Сказал что-то про службу.

Я доела суп.

Контракт – это не командировка. Командировка это когда уезжают и возвращаются, это знает каждый, кто вырос рядом с военными. Контракт – это когда уезжают и могут не вернуться. Этого вслух не говорят. Это просто висит в воздухе над тарелками, над мамиными руками, над папиным «так надо», и все делают вид, что не видят.

Я видела.

Три недели – это двадцать один день. Я не считала, я знала. Легла спать, смотрела в потолок, и думала, что надо просто ничего не делать, просто переждать, просто дать ему уехать, и тогда все – отпустит, наконец, через столько лет отпустит, потому что расстояние делает то, что время не смогло.

Я почти в это верила.

***

Он пришел попрощаться в четверг.

Не в пятницу, а в четверг, как будто даже это последнее правило уже не работало. Позвонил Владу, предупредил. Влад позвонил маме, мама накрыла на стол, конечно, накрыла, она всегда, это ее язык любви и тревоги одновременно.

Я была дома. Я могла уйти, у меня был повод, подруга звала, я могла сказать «не смогу остаться». Я осталась. Не потому что надеялась. Просто... не смогла уйти. Это разные вещи, я хочу, чтобы это было понятно.

За столом говорили о Владовом сыне, имя уже придумали, Миша, смешное и серьезное одновременно, как все детские имена. Говорили о маминых пирогах, которые Артем хвалил, говорили обо всем, кроме того, о чем думали все.

Я молчала и разглядывала его.

Не украдкой, почти открыто, потому что за столом было шумно и никто не следил. Смотрела и думала: **запомни**. Запомни, как он держит чашку. Как наклоняет голову, слушая. Как молчит, как будто молчание у него тоже что-то значит. Запомни, потому что, может, больше не будет возможности.

Вот что делает с тобой восемнадцать лет и четыре года молчания. Учишься запоминать вместо того, чтобы просто жить рядом.

***

Он уходил последним, родители уже пошли спать, Влад с Соней уехали раньше, Соне нельзя было долго сидеть. Мы оказались в коридоре вдвоем, я подала ему куртку, он принял, и в этом простом движении было что-то такое обыденное и невыносимое одновременно, что я почувствовала, как что-то во мне принимает решение раньше, чем я успеваю его остановить.

– Артем.

Он обернулся. Куртка в руках, ключи уже достал, был готов уходить, стоял уже одной ногой за порогом, хотя дверь еще не открыл.

– Юлия.

Не вопрос. Просто – имя. Как всегда.

Посмотрела на него. Потом тихо, ровно, без надрыва сказала, потому что если говорить тихо и ровно, то это почти не страшно:

– Я люблю тебя. Давно. Не знаю зачем это говорю, наверное, потому что ты уезжаешь и, может, это единственный момент, когда это ничего не ломает. Я не прошу ничего. Просто... ты должны были знать.

Тишина.

Несколько секунд тишины. Но в этих секундах иногда умещается очень много.

Артем смотрел на меня, я видела, как что-то прошло по его лицу, что именно, я не умела прочитать. Не удивление, не жалость – боже, только не жалость, я бы не вынесла. Что-то другое, тяжелее и сложнее, у чего не было простого названия.

– Ты не знаешь, что говоришь.

Голос ровный, как будто он намеренно убрал из него все лишнее.

– Знаю, – сказала.

– Юлия, тебе восемнадцать лет.

– Я знаю сколько мне лет.

– Тогда ты понимаешь, что это разговора не стоит.

Что-то во мне сжалось, не больно, холодно. Как когда берешь лед голыми руками: сначала просто холод, боль потом.

– Ничего не стоит или не может быть ничего?

Пауза. Короче предыдущей.

– Второе.

Он сказал это без жестокости. Без снисхождения. Просто как факт, как погода за окном, как что-то, что есть и изменить нельзя.

Кивнула.

– Хорошо, – сказала. – Я услышала.

– Юлия...

– Артем Иванович, – отчество вернулось само, как щит. – Все в порядке. Я просто хотела, чтобы вы знали. До свидания. Удачи вам.

Отступила на шаг. Он смотрел на меня еще секунду, всего одну, потом надел куртку. Открыл дверь, вышел.

Дверь закрылась. Твердо. Без оглядки. Как всегда.

Я не плакала в коридоре.

Пошла на кухню, поставила чайник, рефлекс, мышечная память, четыре года ритуала. Стояла и смотрела, как закипает вода. Думала о том, что он сказал «не может быть ничего» – не «ты мне неинтересна», не «ты ребенок», именно так.

Не может быть ничего. Это другое. Это про что-то другое, что живет внутри него и чего я не вижу.

Я думала об этом, чайник закипел и я не налила воду ни в одну чашку.

Потом подумала: через три недели он уедет. Может не вернуться. И это последнее, что между нами было: коридор, куртка в его руках, его «не может быть ничего» и мое «хорошо».

Хорошо.

Как будто бывает хорошо, когда в тебе что-то заканчивается. Тихо, как гаснет свет, который горел так долго, что ты забыла, каково это быть в темноте.

Выключила чайник. Помыла чашку, которую никто не использовал. Пошла к себе. Легла. Смотрела в потолок.

Ему тридцать. Мне восемнадцать. Он уезжает по контракту и может не вернуться, и я только что сказала ему то, что носила в себе четыре года, и он сказал «не может быть ничего» голосом, из которого убрал все лишнее.

Я не знала тогда, что «все лишнее» – это не равнодушие. Я узнаю это потом. Намного позже.

А той ночью я просто лежала и слушала тишину квартиры, и думала, что надо научиться жить без пятниц совсем. Не ждать точки на ступеньке. Не ставить чайник на звук шагов в коридоре. Стать человеком, у которого нет этого ритуала.

Казалось, что возможно. Казалось, если очень постараться, то можно.

Восемнадцать лет дают тебе эту иллюзию. Что всему можно научиться. Что от всего можно отвыкнуть. Что утро будет другим.

Утро было таким же.

Глава 4 «Учиться жить»

Восемь лет – это не срок. Это архитектура.

Ты не просто живешь эти годы, ты их выстраиваешь. Кирпич за кирпичом, решение за решением, привычка за привычкой. Выбираешь, где поставить стену, где оставить окно. Учишься делать так, чтобы внутри было тепло и светло, даже если снаружи ничего непонятно.

Я строила аккуратно. Я знала, зачем.

Юридический факультет. Почему? Потому что право это про границы. Что можно, что нельзя, где чужое, где твое. Мне казалось, что если я буду достаточно хорошо понимать чужие границы, то научусь строить свои.

Отчасти это сработало. Отчасти граница между «сработало» и «стала удобнее притворяться» очень тонкая, и я предпочитала ее не исследовать.

Училась хорошо, не потому что была самой умной, были умнее. Просто у меня было много свободного времени, которое я не тратила на то, на что тратят его в двадцать лет.

Я не влюблялась. Не страдала по однокурсникам. Не переживала расставаний, от которых кажется, что все кончено и жизнь не имеет смысла.

У меня уже было свое *«все кончено»*. И оно занимало ровно столько места, сколько я ему отводила. Не больше. Я была очень аккуратно с этим местом.

Магистратура по международному праву – Москва, два года, съемная квартира на Таганке с видом на чужие крыши. Хорошее время, я говорю это без горечи, правда хорошее. Новые люди, новые разговоры, ощущение, что ты сам себе, что утро принадлежит только тебе и ты можешь сделать с ним что угодно.

Я делала кофе и читала у окна. Ходила на лекции и задавала вопросы вслух, то, чего никогда не делала дома, где привыкла быть тихой. Я завела настоящих подруг, не школьных, которые знали меня уже без истории, без «Юлька-младшая», просто Юля Волошина, будущий специалист по международному праву, человек с хорошей памятью и странной привычкой молчать именно тогда, когда другие говорят лишнее.

Маша однажды спросила: «Ты вообще когда-нибудь была влюблена?» Мы сидели в кафе после семинара, был декабрь, за окном шел снег, и вопрос был таким обычным, таким понятным, что я улыбнулась.

– Была.

– И что?

– Ничего. Так бывает.

Маша покивала с видом человека, который понимает. Она не понимала, конечно. Но я не держала на нее за это.

Влад упоминал его – изредка, вскользь, как упоминают погоду в другом городе. Не потому что хотел сообщить что-то важное, просто Артем Гайдаров был частью его жизни, а Влад не умел фильтровать разговоры по принципу «это Юле слышать или нет». Не потому что был невнимательным. Просто не знал, что фильтровать.

Я не спрашивала. Никогда. Это было важно – *не спрашивать*. Это был мой собственный договор с собой: я не ищу информацию, которая мне не нужна. Я живу в своем городе, в своей квартире, в своей жизни, и то, что происходит с человеком, которого я давно отпустила, меня не касается.

Я была очень последовательна в этом договоре.

Поэтому я знала, что контракт закончился. Что он вернулся – живой, это главное. Что служит дальше. Что в жизни его, кажется, кто-то есть, или был, Влад сказал «расстались» с таким видом, который означает «тема закрыта».

Кивнула и спросила, как Миша. Мише тогда было три года, он только что научился говорить «почему» и применял это слово ко всему подряд.

Это все, что я знала. Этого было достаточно. Я решила, что достаточно.

***

Работа в крупной фирме, международные контракты, корпоративное право, командировки в Москву и обратно, иногда Петербург, один раз Берлин. Я оказалась хороша в переговорах.

Это удивило коллег и не удивило меня совсем, я с четырнадцати лет тренировалась держать лицо в ситуациях, когда внутри происходит совсем другое. Это полезный навык в юридической практике.

Мне нравилась работа. Нравилось, что она требует всего тебя: внимания, логики, скорости, умения слышать что говорят и что не говорят одновременно. Когда я работала, я не думала о другом. Это было главным ее достоинством, хотя в резюме это не напишешь.

Жила хорошо. Я хочу, чтобы это было понятно – не через силу, не из притворства. По-настоящему хорошо. Были рестораны с подругами и долгие разговоры до закрытия.

Были книги, которые я читала ночью и не могла оторваться. Было море, одно лето в Черногории с Машей, мы взяли машину и ехали без маршрута, и это было так хорошо, что я несколько дней не вспоминала вообще ни о чем тяжелом.

Были и мужчины. Я говорю это спокойно, потому что это правда и правда не стыдная. Двое – серьезнее. Несколько – нет. Я была честной, не использовала никого как замену и не искала похожести там, где ее не было. Просто жила, как живут люди в двадцать с чем-то: пробуя, ошибаясь, иногда жалея, чаще – нет.

Но каждый раз, когда что-то заканчивалось, я замечала одно и то же. Не боль, скорее это было спокойствие. Ровное, чуть печальное. Как будто я знала заранее, что это не то.

Не потому что они были плохими – они не были. Просто внутри что-то всегда чуть молчало. Не кричало «неправильно», просто – молчало. И я научилась с этим молчанием жить, как живут с хроническим чем-то, что не мешает в полную силу, но и не уходит совсем.

Мне двадцать шесть, когда я думаю о той восемнадцатилетней в коридоре, о том, как она стояла с поднятой головой и говорила тихо и ровно, потому что иначе было страшно. Я думаю о ней с нежностью. Горькой, теплой, своей.

Она не знала, что делала. Она думала, что это конец – сказать вслух и отпустить. Она не знала, что слова не освобождают. Что иногда они просто переводят что-то из безымянного в названное, и от этого оно становится только реальнее, только тяжелее, только точнее занимает место, которое ты ему отвела.

Я не злюсь на нее. Как злиться на человека, который сделал единственное, что умел – был честным, когда это ничего не изменило и ничего не могло изменить.

Я бы обняла ее, если бы умела. Сказала бы: ты все правильно сделала. Это не поможет, но ты все правильно сделала.

Восемь лет – это много.

Достаточно, чтобы выстроить жизнь, в которой есть все, что должно быть. Работа, подруги, своя квартира, планы на будущее, способность смеяться по-настоящему и радоваться по-настоящему.

Достаточно, чтобы убедить себя, ну, почти убедить, что закрытая дверь это просто закрытая дверь. Не стена. Не рана. Просто дверь, за которой ничего нет, и незачем проверять.

Почти.

Вот это «почти» я и научилась носить в себе аккуратно. Как носят что-то, что давно стало частью тебя, не думая об этом каждый день, не называя вслух. Просто зная, что оно есть. И продолжая жить.

Хорошо научилась жить.

Я думала... это и есть ответ.

Глава 5 «Глеб»

Глеб появился в моей жизни в октябре, и я заметила, что перестала бояться октябрей.

Это была мелочь, но для меня – нет. Октябрь всегда был месяцем первой пятницы, ступеньки, приходом Артема. Даже спустя восемь лет что-то в октябре делало воздух особенным, чуть плотнее, чуть тяжелее, как перед грозой, которой нет.

В тот октябрь я познакомилась с Глебом на конференции по корпоративному праву, мы спорили, он оказался умным и не обиделся, когда я не согласилась. Это важно, когда человек не обижается на несогласие.

Я пришла домой и подумала, что, вот хороший человек. Просто так подумала, без чего-то внутри, без передвинутый мебели и это тоже было важно.

Год с Глебом – это год, который я могу описать без боли. Без боли, но и без того острого, живого, что бывает, когда кажется, что ты на краю чего-то огромного. С Глебом я была не на краю. Я была на твердой земле, ровной, надежной, хорошо освещенной.

Он юрист по налоговому праву, скучная специализация, которую он умудрялся делать интересной в разговоре. Тихий в компании, но не потому что замкнутый, а потому что слушал. Умел слушать так, что ты чувствовала: он здесь, он с тобой, он не думает о своем пока ты говоришь. Я это ценила.

Он любил меня правильно.

Я долго думала, как еще это назвать, и каждый раз возвращалась к этому слову – *правильно*. Без сцен, без ревности, которая душит. Без тишины, от которой хочется говорить только чтобы она кончилась.

Он звонил когда обещал, приходил когда договаривались, помнил, что я не люблю кинзу и люблю, когда в кафе тихо. Маленькие вещи. Но маленькие вещи это и есть ежедневная жизнь, и кто умеет с ними, тот умеет главное.

Говорила себе: вот. Вот как это должно быть. Я не лгала себе, просто убеждала. Это не одно и то же, хотя граница тонкая.

Он познакомился с родителями в феврале, сам попросил, без давления с моей стороны. Приехал с вином и без опозданий. Папа разговаривал с ним об экономике, мама кормила и смотрела с той тихой радостью, которая бывает, когда видишь дочь рядом с кем-то надежным.

Влад приехал с Соней и Мишей, Миша немедленно залез к Глебу на колени и потребовал сказку. Глеб рассказал, немного деревянно, он не очень умел с детьми, но рассказал, не отстранился, не передал ребенка обратно с видом «это не мое».

По дороге домой он держал меня за руку и спрашивал, все ли было нормально. Я сказала – да, он тихо, без торжества улыбнулся. Я смотрела на его профиль в темноте машины и думала: хороший человек. Надежный. Настоящий.

И думала это без оговорки внутри. Это тоже было важно – без оговорки.

Предложение он сделал в мае.

Уютный ресторан с живой музыкой и свечами, не кричащий, в его духе. Родители за соседним столиком, он договорился заранее, мама потом призналась, что не спала всю предыдущую ночь от волнения. Кольцо было простое, белое золото, один камень, без лишнего. Он знал, что я не люблю лишнего.

Глеб встал. Не на одно колено, он заранее спросил меня однажды, в разговоре как будто случайном: «Как ты вообще относишься к этой традиции?» Я сказала, что немного неловко, когда прилюдно. Он запомнил, встал, но не на колено, просто взял мою руку через стол, посмотрел прямо и сказал:

– Юля. Я хочу, чтобы ты была моей женой. Если ты тоже этого хочешь.

Тихо, без речи, без заготовленных слов о том, какая я и как он меня любит. Просто задал вопрос, прямой, честный, без украшений.

Я посмотрела на него спокойное лицо, чуть напряженное, как бывает у людей, которые ждут важного ответа и не прячут этого ожидания.

– Да, – сказала.

И это была правда, вот что я хочу объяснить. Себе – тогда. Себе – сейчас, если смотреть назад. Это была правда. Не половина правды, не трусость, не капитуляция.

Я говорила «да» и имела это в виду. Я хотела выйти замуж за Глеба Ратова – спокойного, умного, тихого человека, который любил меня правильно и никогда не передвигал мебель у меня внутри без спроса.

Я хотела именно этого. Твердой земли, ровного света, жизни, в которой знаешь, чего ожидать, и это хорошо, а не скучно.

В двадцать шесть я знала одну вещь точно: невозможное – это не романтика. Невозможное это когда стоишь в коридоре с восемнадцатью годами за плечами и слышишь **«не может быть ничего»** голосом, из которого убрали все лишнее.

Это когда четыре года носишь в себе что-то без имени, имя не помогает, а только делает тяжелее. Это когда восемь лет строишь жизнь аккуратно, рядом с трещиной, и называешь это взрослением.

Взросление это значит выбирать хорошее. Реальное, то, что есть, а не то, чего нет и не было никогда, кроме как у тебя внутри. Я выбрала. Осознанно, трезво, своим умом и своей волей.

Мама тихо плакала за соседним столиком, промокала глаза салфеткой и думала, что я не вижу, я видела. Папа разлил шампанское и сказал что-то теплое, я не запомнила слова, только интонацию. Глеб аккуратно, немного неловко надел кольцо мне на палец, руки чуть дрожали, это было трогательно, потому что он всегда такой собранный, а тут – нет.

Я смотрела на кольцо и думала: вот. Вот моя жизнь. Настоящая, живая, с людьми, которые любят меня и которых люблю я. С работой, с планами, с будущим, которое можно увидеть и потрогать.

Это реальность. Я всегда хотела жить в реальности.

Домой мы ехали в хорошем молчанием, тем, которое не требует заполнения. Глеб вел машину, я смотрела в окно на ночной город, на фонари, на чужие окна со светом внутри. Думала о том, что сказала «да» и не солгала.

Думала о том, что зрелость – это именно *это*. Выбирать не то, от чего сердце делает странное, а то, рядом с чем дышится ровно. Не драму, которая называет себя любовью. А человека, который помнит, что ты не любишь кинзу.

Думала – и почти убедила себя окончательно.

Почти.

Вот это «почти» я не заметила тогда. Или заметила, но решила, что оно небольшое, что оно уместится. Что взрослые люди живут и с «почти», и это нормально, и так у всех, и я просто слишком долго читала не те книги.

Глеб взял мою руку на светофоре. Не глядя, просто взял, привычно, как берут то, что уже свое. Я не убрала руку.

За окном шел май. Теплый, с запахом сирени и черемухи. Красивый месяц, месяц, в котором принято начинать. Я смотрела в окно и думала: все правильно. Все – **правильно**.

Я умела в это верить. Я очень хорошо научилась в это верить.

Глава 6 «Он там»

Приехала в субботу утром, просто так, без повода, мама звала уже вторую неделю: приедь, побудь, соскучилась. Июнь, родители перебрались на дачу раньше обычного, папа сказал, что воздух ему нужен, мама сказала, что папе нужен огород, а огороду нужен папа. В общем, уехали в мае и звали меня с тех пор каждые три дня.

Взяла сумку, купила в дороге черешню и думала о деле, которое лежало у меня на столе уже вторую неделю и не отпускало даже в выходные. Международный арбитраж, немецкая сторона, вежливая и непреклонная одновременно. Я уважала этот стиль, но сейчас он меня раздражал.

Думала о деле.

Не о Глебе, мы договорились встретиться в воскресенье, все хорошо, спокойно, правильно. Не о свадьбе, список гостей, зал, платье, все по плану. Я умею жить по плану, это мой навык, я им дорожу.

Открыла дверь своим ключом. В прихожей пахло кофе и чем-то незнакомым, мужским, резким, не папиным. Папин запах я знаю с детства: старый свитер и древесная стружка. Этот был другим, холоднее.

Остановилась на секунду. Потом решила, что это просто наверное сосед зашел, или Влад приехал, или мало ли, и пошла на кухню, черешню надо было помыть.

Нашла большую белую миску, высыпала черешню, открыла кран. Мама вошла быстро следом, с тем особенным выражением лица, которое я знаю с подросткового возраста. Когда она что-то знает и не знает, говорить ли. Я это выражение узнаю мгновенно, оно почти не изменилось за двадцать шесть лет.

– Юлечка, ты приехала, – в голосе было на полтона больше теплоты, чем нужно для обычной субботы.

– Мам, – сказала я. – Что...

– Людмила Сергеевна, простите, у вас не найдется лишнее полотенце? Свое намочил, сохнет..

Голос. Низкий, с легкой хрипотцой. Привыкший говорить тихо, но слышный везде. Миска выскользнула у меня из рук.

Не потому что я испугалась, руки перестали быть руками на одну секунду, и этой секунды хватило. Белая миска ударилась об раковину, черешня рассыпалась во все стороны: по столешнице, по полу, несколько ягод укатились под холодильник.

Я стояла и смотрела на это.

В дверях кухни стоял Артем Гайдаров.

Я не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.